

ИГРА В ЛЮБОВЬ

ЕКАТЕРИНА
ПОГОРЕЛЬСКАЯ

Екатерина Тюрина-Погорельская

Игра в любовь

<https://litres.ru/70462378>

SelfPub; 2026

Аннотация

<p>В 1833 году юная Елизавета Полинова вместе с матерью и сестрой покидает родной дом и переезжает в Петербург, где их приютают дальние родственники семья Тактаевых. В этом новом мире, полном светских правил, тайн и скрытых страстей, Лиза сталкивается с испытаниями, которые заставляют её повзрослеть раньше времени. Между долгом и чувством, между честью и любовью ей предстоит сделать выбор, способный изменить не только её судьбу, но и жизни тех, кого она любит.</p>

Содержание

Глава 1.Невысказанные слова.	4
Глава 2.Безжалостная судьба .	11
Глава 3.В сердце пустота.	17
Глава 4.Первые впечатления.	21
Глава 5.Два мира.	26
Глава 6.От жестокости к доброте.	31
Глава 7.За запертой дверью.	35
Глава 8.Девичьи тайны.	38
Глава 9.Шёпот ветра.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Екатерина Тюрина- Погорельская Игра в любовь

Глава 1.Невысказанные слова.

Иногда Елизавета Полинова вспоминала, как вечерами они с папой садились на диван, она прижималась к нему и слушала сказки. Добрые, немного жалостливые, но непременно со счастливым концом. Когда это было? Отец Лизы умер одиннадцать лет назад.

И она осталась с матерью и старшей сестрой-Ольгой, которой тогда исполнилось как раз восемь лет, без сказок, без душевных разговоров, без праздников вчетвером.

Мама требовала учиться на отлично и в музыкальной, куда Лиза и Оля ходили два раза в неделю, и в общеобразовательной школах. Заниматься французским, балными танцами, как вести себя в обществе, этикету, короче всему, что должны знать и уметь, девушки из высшего общества. Не жаловаться. Не плакать и во всем быть выше других. Ольга добилась намного большего успеха, чем ее младшая сестра, хотя и та старалась все делать, как говорит ей мама. Маму Оли и Лизы звали – Арина Владимировна, О своей любви к доче-

рям Арина никогда не говорила и никак эту любовь не проявляла.

Елизавета Полинова была одной из самых красивых девушек, да и как могло быть иначе; длинные каштановые волосы, яркие карие глаза, окруженные длинными темными ресницами, правильные черты лица. Милое личико невольно приковывало к себе взгляд. А румянец, казался прекрасным.

Шел 1833 год, пасмурный апрельский день клонился к вечеру. Солнце выглянуло из облаков совсем недавно, только под вечер, целый день, не переставая, лил дождь, и небо было затянуто грозowymi облаками. В этот день нечего было даже думать о прогулке, правда утром Лизе и Оле еще удалось погулять, но потом ветер нагнал тучи и полил такой пронзительный дождь, что и речи не могло быть ни о какой попытке выйти еще раз.

Целый день Лиза и ее сестра просидели дома у камина, спасаясь у горячего

пламени от проливного дождя и ветра, шевелившего, еще не успевшие обрасти листьями, ветви деревьев. Лизаветины карие глаза, как две смородинки, беспокойные, большие, отражали, как зеркало, подлинную сущность ее натуры.

Лиза поднялась с пола и, шурша юбками прошла мимо Ольги, которая сидела на диване и разглядывала свои руки, точно видела их в первые в жизни, и направилась в небольшую столовую, где обычно завтракали, находилась она рядом с гостиной. Лиза тихонько шмыгнула туда. Там стоял

книжный шкаф; она взяла первое попавшееся произведение, лишь бы только избавить себя от тоски, которая душила ее долгое время.

Перелистывая страницы, она время от времени поглядывала в окно, наблюдая, как краснеет небо и солнце уходит за горизонт, уступая место луне и звездам. На переднем плане раскинулась лужайка, с не успевшими обрасти листвой кустарниками, с лужами на мокрой невысохшей земле и с деревьями, на которых только-только появились почки.

И вот сидя с книжкой на коленях, она боялась, что ей кто-нибудь помешает вспомнить безвозвратно ушедшее детство, и, к сожалению это случилось гораздо быстрее, чем она думала.

Елизавета услышала, как Валентина вошла в столовую, и под ее тяжелой ступней задрожал пол. Лиза поспешно закрыла книжку, положила ее на подоконник и спрыгнула вниз. Но было уже поздно, от зоркого глаза няни не могло не что ускользнуть.

– Елизавета Семеновна, – сплеснула руками она, подойдя к ней – , Ну сколько можно вам говорить, что княжна не должна сидеть на подоконнике точно крепостная, что скажет ваша маменька.

– Но ты же, ведь ей не скажешь? – надув губки спросила Лиза.

– Это почему еще? – удивленно посмотрела на нее Валентина, А даже и если я утаю это от моей хозяйки, она все узна-

ет по вашему запачканному платью, – вздохнула няня, отряхивая сзади платье молодой хозяйки.

– Валентина, а где маменька? Она, что весь день просидела в кабинете? – А как же? – перестав отряхивать, ответила Валентина, Арина Владимировна выходила только поесть, когда вы и Ольга Семеновна гуляли, а потом опять

закрылась в кабинете, попросив меня, ее не беспокоить. –

– Значит мама в кабинете одна? – спросила Лиза, взяв книжку и ее положив обратно в шкаф.

– Нет, Елизавета Семеновна, она с господином Алегровым, он пришел к ней днем, и не выходил больше из кабинета, – ответила няня, явно намекая на то, что ей не нравится, что Арина так долго находиться в обществе не женатого мужчины одна.

Лиза не заметила намек своей няни. Ее волновало лишь одно: если мама не выходит из кабинета весь день, то что-то явно не так, а тем более, если с ней Константин Святославович Алегров.

Константин Алегров был давним другом Арины, Это был не высокий молодой человек с каштановыми волосами, с постоянно серьезным и задумчивым взглядом, с карими глазами, вполне симпатичный. На вид ему было тридцать, три года, но он так ни разу и не женился, может быть поэтому Константин стеснялся признаться Арины Владимировне, что испытывал к ней чувство на много большее, чем дружба или деловые интересы, которые княгиня Полинова поставила на

первое место, и не хотела ничего изменять.

Господин Алегров был деловым партнером Рины, ведь с тех пор как умер

отец Лизы и Оли, их мама стала "мужчиной в доме" и взяла, несмотря на то, что говорили о ней люди и подорвав свою репутацию, правление хозяйством в свои руки. И Константин охотно стал помогать ей в этом, хотя, так же как и все не оправдывал Арину и старался, как можно реже допускать ее до дел, о которых женщина не должна ничего знать, проверяя счета, налоги и документы за нее.

"Если мама и Константин Святославович в кабинете, значит, что-то не так, – раздумывала Лиза, – это все очень странно, ведь он никогда и близко не подпускал маму к документам, а сейчас...». Тут она пришла к выводу, что ей сейчас же надо узнать обо всем иначе, не сможет уснуть ночью, ломая голову над этой загадкой. Нянюшка... – начала, было, Елизавета.

– Вы хотите, пойти к вашей маменьке в кабинет и все у нее узнать? – прочла ее мысли, как по открытой книги, Валентина, – Так вот что, не смейте этого делать, все узнаете в свое время, – с грозным видом посмотрела она на Лизу, выходя из столовой и давая понять, что на этом разговор закончен.

Валентина была женщиной доброй, но строгой и считала, что семья Полиновых ее собственность. Ей было более сорока лет, она прошла больше. Половину жизни вместе с Ариной, нянчила ее, так же как и Елизавету с Ольгой. Она знала

их лучше, чем кто-либо другой, терпела постоянные капризы и истерики Оли, которые она закатывала, когда не получала того, что хотела. Знала, что Лиза может быть намного капризнее сестры, но в отличие от Ольги, Елизавета, поняв, что все ее усилия тщетны, переставала требовать или хотя бы старалась отложить это до лучших времен, а старшая дочь Рины шла напролом, сметая все на своем пути.

Да, за плечами этой немолодой, полной женщины, с седыми длинными волосами, поднятыми кверху и заколотые шпильками, с черными глазами, в накрахмаленном белом переднике, была почти вся жизнь. Она так вжилась в роль няни, что иногда, думала, что это ее родная семья, ведь она вырастила их как родных, отдавая всю свою жизнь ради них, и готовая, в любую минуту, кинуться за ними в огонь и в воду.

Лиза еще долго стояла, смотрела, как Валентина не спеша уходит на кухню. Что-то ужасно волновало Елизавету, но она не знала, что... Она не могла, добраться до правды, ей хотелось ее знать, очень хотелось.

Я должна поговорить с мамой, должна" «Елизавета повернулась и подняв юбки, чтобы они не шуршали, вышла из столовой.

Она уже начала подниматься по лестнице наверх, как вдруг услышала голос Арины и господина АLEGROVA, и звук захлопнувшейся двери кабинета, вскоре послышались шаги. Лиза мгновенно, стоя на середине лестницы. Спустилась и

быстро села на диван рядом с Олей. В руках у старшей сестры были спицы, она вязала теплую пуховую шаль, и уже ее почти закончила. На полу Лизавета заметила маленький клубок пряжи, а на диване, рядом с Олей, стояла небольшая соломённая корзинка. Спицы быстро мелькали в ее пальцах, но когда Елизавета села на диван, она остановилась и отложив вязание в сторону. Посмотрела на сестру, в глазах у Оли было удивление, она никогда не видела сестру такой как сейчас.

– Лиза, – обратилась к сестре Оля, – что случилось?

– Оля, мама целый день сегодня просидела в кабинете и... – Лизавете захотелось все поведать сестре о том, что она знала, но подняв голову девушка увидела, как по лестнице, шурша юбками спускается Арина Полинова, а за ней следом, как верный пес, идет не спеша -Константин Алегров, и замолчала.

Арина шла спокойно, с прямой спиной, с гордо поднятой головой, давая понять всем, что все в порядке, хотя это было не так. На ней было светло-коричневое платье, застегнутое на все пуговицы, ее русые волосы были, как у Лизы, собраны в пучок и запряты в сетку и красивые голубые глаза, в которых не было ни любви, ни нежности, глаза как "у Снежной королевы", которая не боится ничего и никого, смотрели вперед.

Глава 2.Безжалостная судьба .

Лизавета посмотрела на маму, а потом на сестру и в первые, хотя жила с ними всю жизнь, поняла, что Оля точная копия Арины, у нее такая же грациозная осанка, голубые глаза, характер и русые кудри волнами лежали на ярко зеленом платье. Старшая дочь была так похожа на маму, и они понимали друг друга с полу слова, а вот младший ребенок был как будто чужой, его понимал только отец, о когда его не стало... не стало ни понимания, которое он дарил ей.

Лиза и Оля поднялись с дивана, приветствуя господина АLEGROVA. А когда он подошел, позволили ему нежно поцеловать их белоснежные ручки. При этом улыбаясь, чтобы он был уверен в том, что девушки очень рады его присутствию и его вниманию к ним.

Арина вежливо предложила гостю сесть. Костя никогда не отказывался от такого предложения, поэтому не ждя второго приглашения, охотно опустился в кресло. А потом уселось и все семейство Полиновых.

Хотя на улице уже было достаточно темно, гостиная вся была полна яркого света, которых освещал не только каждый угол в гостиной, но и часть лестницы, ведущей на второй этаж, и немного столовую. На потолке высоко горела люстра, а лучше сказать, свечи, стоявшие в ней в подсвечниках,

а так же свечи были на пианино, и на стенах, в маленьких подставках. Но не только это придавало комнате столь яркий свет, но и огромная луна, которая светила в окно, играла в этом большую роль.

Лиза сидела как на иголках, ждя, что же скажет мама, как оправдает то, что она просидела сегодня почти весь день в кабинете.

Арина поправила платье и прическу, начала разговор: – Оля, Лиза, у нас большие проблемы, – начала она, и девушкам ничего не оставалось, как с грустью и печалью, промолвить: "О Боже!" , мы не смогли заплатить налог на дом в этом месяце и завтра должны отсюда съехать, – Рина обвила взглядом всех присутствующих, чтобы удостовериться, что все ее внимательно слушают и продолжила, поедим к моей двоюродной сестре княгине Наталье Тактаевой в Петербург, она согласилась, чтобы... как это лучше сказать... чтобы мы немного пожили у нее, пока у нас дела не пойдут в гору...

Арина еще, что-то говорила, но Лизавета уже ее не слушала. *Crand dieu!* (Фр.-Боже мой!) Их выкинут, как собак, на улицу из родного дома, в котором она и Оля родились, здесь они принимали гостей, и они больше никогда его не увидят!

Да, Лиза знала, что дела идут плохо, но не думала, что столь ужасно. Отец после смерти оставил все состояние жене и дочерям, большая часть, которого пошла на погашение долгов, которые оставил после себя Семен Полинов-муж Арины, на сплачивание налогов и лишь малая часть на Оли-

ны, Лизины и Ринины наряды и украшения, а так же домашней необходимости. Им как-то удавалось жить много лет, стараясь на всем экономить, без неприятностей, но как известно, все хорошее проходит быстро и наступают тяжелые дни.

Год назад их дела совсем ухудшились до такой степени, что пришлось продать все драгоценности, но и после этого их настигло неожиданное несчастье год спустя и теперь им нечего сделать, чтобы сохранить дом. Вот если бы князь Полинов был бы жив, тогда возможно они бы никогда не очутились на улице, прося "милостыню" у родных.

– Маменька, неужели все так плохо? – постаралась спросить Лиза, как можно тверже, чтобы голос не звучал жалобно и у нее это получилось. Во всяком случае, никто из присутствующих не принялся с жалостью на нее глядеть. А она этого ужасно не любила.

Арина вздохнула и кивнула.

На глазах у Лизы выступили слезы, она не могла их больше сдерживать. Они текли по щекам, и девушка всем телом дрожала от них, прикрыв лицо руками. Вдруг послышался не обычный звук, уж его Лиза не как не ожидала услышать, как будто что-то негромко упало на ковер. Она подняла голову и убрав руки с лица увидела, через слезы, как Константин положил, потерявшую сознание Олю на диван, а Валентина, склонившись на ней, подносила к ее носу нюхательную соль, которая нашлась только у Арины, так как ни Лиза, ни

Оля ими не пользовались. Сестру без чувств Елизавета видела впервые в жизни, Ольга всегда была сильной, она всегда не любила тех женщин, которые по любому поводу падали в обморок, но видно эта новость ее очень расстроила, да и кто не расстроится из-за такого.

Только одна Рина держалась, как всегда— гордо, не давая эмоциям выйти наружу. Она сидела в кресле и спокойно смотрела на происходящее, так как будто это ее совсем не касалось, будто это была не ее жизнь, не ее дом и все вещи должны были скоро продать "с молотка" за неуплату налога.

Арина Багирова – сейчас Полинова, вышла замуж когда ей было девятнадцать лет, за Семена Полинова, который на двадцать лет был старше своей молодой жены. Она никогда не любила его, да, он был красив, умен, галантен, всегда умел поддержать любой разговор. Представительницы прекрасного пола никогда не проходил его стороной. Арина постоянно замечала, как смотрят на Семена не замужние девушки, видно они ей завидовали. Но несмотря на все выше перечисленные качества -Арина вышла за него, только для того, чтобы отомстить своему бывшему жениху-Василию Тактаеву, с которым до этого долго была помолвлена и который бросил ее ради Натальи Узоровой-двоюродной сестры Арины.

Не помня себя от горя Рина, после того как узнала, что ее жених скоро жениться на ее двоюродной сестре, через две недели вышла за князя Полинова, который был давно в нее влюблен. А через неделю поженились и Наташа с Васей...

Через два года родилась – Ольга, первая дочь Рины и Се-ни, которую они называли в честь матери Семена, а потом и Елизавета – в честь матери Арины. Затем через год, после рождения Лизы, у Рины родился сын, о котором мечтал Се-мен, но он умер через несколько дней и был похоронен на семейном кладбище. А спустя восемь лет, когда Лизе было одиннадцать, Семен Полинов исчез и нашли его только че-рез месяц в реке, лицо и руки были изуродованы до неузна-ваемости помог определить личность трупа лишь платок с инициалами: "П. С. И", а такой был только у одного челове-ка, Полинова Семена Ивановича, мужа Рины.

Как ни странно, но Арина облегченно вздохнула, когда узнала, что муж мертв. Когда Рина похоронила Сеню, то поклялась больше никогда не выходить замуж, нет, она не хоте-ла быть преданной Семену, как многие считали. Арина сде-лала это для князя Тактаева, ведь всегда его любила и не забыла даже после того как вышла за Сеню, после того как уехала с мужем из Петербурга в Великий Новгород, после того как родила Семену троих детей, один из которых умер, после того...

Сколько этого "после того", не перечислить, как Рина хо-тела, чтобы Наташа

и Вася никогда бы не встретились, чтобы этих "после то-го" никогда бы не было, чтобы жизнь была другой. Но ведь это не в нашей власти и иногда то, чего нам хочется, не сбы-вается и наоборот. Ей хотелось выйти за любимого, а не за

Сеню. Почему судьба к нам так зла, а господь посылает нам испытания, которых мы совсем не заслуживаем. Которых мы не ждем, которые надо было послать не нам. А совсем иным людям, которые это заслуживают.

Арина не всегда не была жестокой и бесчувственной, ее такой сделала судьба, которая никогда не была к ней мила, которая ее больно била и подставляла подножки...

Глава 3. В сердце пустота.

Елизавета почти не спала в ту ночь. Когда вошла заря и на востоке из-за кроны деревьев, показалось солнце, она встала со смятой постели и, сев на стул у окна, опустила усталую голову на руки. Взгляд ее был устремлен на сад перед домом, на почти зеленые кустарники и деревья, на цветы в клумбах, на живую изгородь вокруг дома. Потом взор Лизы стал блуждать по комнате. Останавливаясь то на кровати с перинами и пуховым одеялом, то на шкафе с вещами, который стоял напротив кровати, то на стульях, на туалетном столике. На свече, стоявшую на нем, а потом и на икону пресвятой девы.

Нет, она не могла ничего сделать, не могла изменить судьбу, ей надо было смириться и уехать из этого дома. Но как бы Лиза хотела все изменить, повернуть все назад и тогда бы она продала бы все свои наряды, стала бы голодать, сделала бы все, лишь бы ее семья не потеряла дом.

Один только бог может изменить их судьбу, так пусть он изменит ее лучшую сторону... Помолиться!

Лиза встала со стула и бросилась на колени перед иконой, сложив ладони на уровне груди, она не говорила привычную молитву, лишь снова и снова повторяла: Переснятая дева, помоги нам вернуть дом, прошу, я буду вести себя хорошо, все сделаю!

Вокруг стояла тишина, и только голос и слезы Лизы, нарушали ее. Девушка плакала, стоя на коленях и прося высшие силы послать им чудо. Плакала, потому-то знала, что бессильна, что-либо сделать, она не могла совладать с ситуацией, она не хотела покидать этот дом, но надо...

Ее дом на восходе солнца казался таким любовно ухоженным, мирным.

Хотя его хозяин уже давно лежал в могиле. В конюшне послышалось, сначала негромкое, ржание и стук копыт лошадей, но они все усиливались, и вскоре послышалось ворчание старого конюха и звук открывающейся двери конюшни: коней пошли кормить. И ей это все придется бросить, оставить... Боже, как это трудно!

Сердце Лизаветы сжалось от боли, но не от физической, а душевной, от бессилия, она не могла ничего сделать. Было слишком поздно, вот если бы она узнала раньше, она что-нибудь бы непременно придумала! – Ничего не изменить! – прошептала сама себе Лиза, вставая с колен.

Когда Елизавета, Арина, Ольга и Валентина вышли из дома, дул не сильный ветерок и небо стало зарастать серыми облаками, предвещая о придвигающемся дожде. Нет, Лиза уже не плакала, в руках у нее не было носового платка, а только узел с вещами, за нее скоро будет плакать небо, она же выплакала все слезы сегодня утром, Оля все еще всхлипывала, вытирая, красные от слез глаза, белым накрахмаленным носовым платком. Рина же за утро и вчерашний вечер

не проронила не слезинки.

Кучер стоял около коляски, держа лошадь под узды. По-добрав юбки Оля, Лиза, Рина и Валентина забрались в коляску, Никто из соседей и знакомых не

пришел, чтобы проститься с ними, и не удивительно, ведь одиннадцать лет назад, когда Арина взяла бразды правления хозяйством в свои руки все друзья отвернулись от них. Ни Лизавета, ни Оля сейчас уже вспомнить не могут, когда они в последний раз видели знакомых у себя и когда они были в гостях у своих друзей. Арина своими поступками исключила своих дочерей из общества, в котором они родились, она добилась того, что Лиза и Оля "забыли", что такое детские праздники, намного раньше, чем все остальные дети. Дети Рину никогда не волновали, и девочки воспитывались только Валентиной, но даже она не могла "стереть" те белые пятна, которые появились в душе Ольги и Елизаветы.

Оля и Лиза последний раз взглянули на свой, двух этажный из красного кирпича с черепичной крышей, дом. Старшая сестра вздохнула и отвернулась, смотря вперед на дорогу. Кучер ударил лошадь плеткой, и коляска тронулась. Младшая сестра смотрела на дом, пока он не исчез в дали. Валентина перед отъездом закрыла ставни на окнах и сняла шторы, дом был тих, никого там не осталось, даже мыши за-тихли в подвале, может быть, они понимали горе людей живущих здесь?

Не очень хотелось Лизавете уезжать в Петербург, но, что

делать? Может быть, произойдет когда-нибудь чудо, и бог вернет им дом, но сейчас она уже в это не верила, утром еще у нее оставалась маленькая частичка надежды. Но сейчас она исчезла, растаяла, как снег весной.

Глава 4. Первые впечатления.

Кучер сидел на козлах, держа поводья, а лошадь не спеша шла по дороге по направлению к вокзалу, там они сядут на поезд и уедут туда, где от родного дома останутся только воспоминания и ничего больше. Воспоминания, которые резали, жгли больно сердце и душу, которые нельзя было вспоминать без слез. Они были болезненны всем, кроме Арины, которая, похоже, вздохнула с облегчением в душе, когда их дом скрылся из вида. Может быть, она просто старалась скрыть свои эмоции, быть сильной, а может она хотела поехать в Петербург, ведь там ее любовь, мечта всей ее жизни. Но, чтобы – это не было она его хорошо, скрывала, и на ее лице нельзя было ничего почесть, оно было такое же, как раньше, и глаза не отражали не каких чувств.

Часы, проведенные в дороге, были ветреные и дождливые, но когда поезд прибыл в Петербург, жаркое солнце уже храбро взялось за работу и трудилось во всю, стараясь высушить улицы, превратившиеся в потоки и водопады грязи. Глинистая площадь перед вокзалом, вдоль и поперек изрытая колесами и копытами, представляла собой жидкое месиво наподобие тех луж, которые Оля, Лиза, Валентина и Рина встречали в Новгороде по дороге на вокзал. Мулы тонули в этой жиже, возницы чертыхались, а фонтаны грязи летели из-под колес.

Елизавета стояла на нижней подножке вагона и не решалась вступить на землю, последовать примеру няни, которая минуту назад спустилась вниз, замарав туфли и подол платья. Сзади стояли Арина и Ольга, они терпеливо ждали решение Лизы, им тоже, как и ей не хотелось пачкать подолы дорогих платьев и туфли. Лизавета оглядывалась по сторонам, ища глазами среди всех этих

громыхающих повозок коляску, которая бы отвезла их в дом Тактаевых. Она увидела, что к ней, с видом важным и величественным, направляется, шлепая в сапогах по лужам, и тонув в них до пят, мужчина средних лет, с черными, чуть седыми волосами, но в его теле не было видно не грамма лишнего веса, со шляпой в руках.

– Петя, – позвала его Арина, крикнув через плечо младшей дочери и мужчина прибавив шаг, поспешил на ее зов. – Княгиня Полинова, я очень рад вас видеть, – улыбаясь, произнес он, но сразу же изменился в лице, увидав, как недобро на него поглядела Рина. А это мне сдается ваша младшая дочь Елизавета? А я Петя-кучер семьи Тактаевых. Стойте, не лезьте в такую грязь, – испугано промолвил он, увидев как Лиза, подобрав юбки, уже была готова прыгнуть вниз, – Я гляжу вы не лучше дочери княгине и князя Тактаевых – Анастасии Васильевной. Дайте я вас снесу.

Он поднял Лизавету на руки, поднял легко, и вскоре она очутилась рядом с Валентиной стоя на дороге. Потом Петя без труда перенес Арину, которая, только оказавшись на

земле. Принялась отряхивать платье, которое даже не было грязным и поправлять шляпку, которая как ей показалось, сбилась. А потом кучер перенес Олю. Петр взял их вещи и направился к коляске, показывая путь четверем женщинам, которые шли за ним, подобрав юбки, чтобы не испачкать их в грязи. Они сели в экипаж и тронулись, как только Петя взобрался на козлы и ударил лошадь кнутом.

– А где Наталья? – поинтересовалась у него Рина, поглядывая по сторонам. – Она дома, Арина Владимировна, не сердитесь на нее, она была очень расстроена, что не может вас встретить, но Василий Андреевич запретил ей в такую погоду выходить, можно ведь запачкать себе туфли и платье.

"какие они мои родственники из семьи Тактаевых" -подумала Лиза, трясаясь в коляске, с трудом выбравшийся из привокзальной грязи. Она стала с интересом поглядывать по сторонам, и ее настроение немного поднялось, никогда раньше ей не доводилось видеть такого красивого города, да, она много о нем слышала, но и представить не могла, что он такой великолепный. Ольга тоже принялась смотреть на улицы, она просто не могла остаться равнодушной, как Рина, которая смотрела только вперед. Это было не в стиле Оли, всегда любопытная она стремилась все увидеть и узнать первой.

Лиза глядела во все глаза, любуясь на кирпичные здания вдоль улицы, по которой они проезжали. Петербург гудел как встревоженный улей, был не такой, как тихий, знакомый Оле и Лизавете с детства – Великий Новгород. Петербург

был наполнен людьми, которые были Лизе не знакомы: женщины выходили или садились в коляски, несколько гуляли пешком, как девочки отметили про себя, большинство из них были крепостными или нищими, а мужчины останавливались и приветствовали красивых, но совершенно не знакомых им женщин в экипаже семьи Тактаевых, снимая шляпы.

У Лизы, привыкшей к неспешному, ленивому течению жизни, к тишине, просто дух захватывало от всей этой суматохи, но она пришлась ей по вкусу.

Кипучая атмосфера Петербурга приятно волновала и бодрила, и сердце Лизаветы учащенно билось, словно ей передалось лихорадочное биение пульса города.

Пока коляска медленно пробиралась по главной улице города, Елизавета с интересом разглядывала новые здания и новые лица. В толпе на тротуаре мелькали военные мундиры с медалями и нашивками, указывающими на принадлежность к войскам. Большинство из них были среднего возраста и лишь несколько человек пожилого. Они шли гордо подняв головы, за их плечами было Бородинское сражение-26 августа 1812 года. А Лиза знала только восстание декабристов в 1825 году-эту дату она не забудет никогда, ведь именно в 1825 году умер ее и Ольгин отец-Семен Иванович Полинов, и она считала, считает и будет считать, что в смерти Сени виноваты только декабристы. "О! – мысленно воскликнула Лиза, перестав думать о доме, что себя расстраивать, она молода, а его не вернуть! – Кажется мне здесь нравиться,

жизнь тут бьет ключом и все так интересно!»

Глава 5. Два мира.

А жизнь в городе действительно была ключом, и отнюдь не все стороны этой жизни были доступны взору Елизаветы: десятки новых салонов открылись один за другим; вслед за войсками после Бородинского сражения, хлынули в Петербург толпы проституток, и бордели процветали к ужасу благочестивых горожан; свадьбы с шампанским, пенившимся в бокалах, когда поднимались тосты в честь новобрачных. А ночами темные, обсаженные деревьями, улицы гудели от топота танцующих ног, а из окон неслись звуки фортепьяно, люди играли радостные, зовущие танцевать, мелодии.

Коляска, увязая в жидкой грязи, катилась по улице. А у Оли, не иссякая ни на мгновение, слетали с языка вопросы, и Лиза сразу же внимательно глядела в ту сторону, куда в эту минуту смотрела ее сестра, а Петя, гордый своей осведомленностью, отвечал на них, тыча то туда, то сюда кнутом: – Вот это, Ольга Семеновна и Елизавета Семеновна, "Петегорф", наше сокровище, наша гордость, созданным самим Петром I в 1723 году, а вот там, чуть подальше, "Высшее научное учреждение России", так же основанное Петром I.

Коляска потащилась дальше, но тут же стала, давая дорогу двум женщинам в белых накрахмаленных передниках и чепчиках, пробирающихся через улицу, прыгая с камня на камень, с полными корзинами овощей в руках. В эту мину-

ту внимание Лизы привлекла к себе чья-то яркая, необычно яркая для улицы одежда: на тротуаре, завернувшись в пеструю кашемировую шаль с бахромой до пят, стояла высокая красивая женщина с нагловатым лицом и с копной не натурально рыжих волос. Ни Лиза, ни Оля, которую шепотом позвала сестра кивая в сторону красавицы, еще никогда не видели женщины, которая бы так явно "что-то делала со своими волосами", и они уставились на нее как зачарованные.

— Петя, кто это? — тихо поинтересовалась у него Оля, успев это сделать вперед сестры, которая уже хотела задать этот вопрос. — Не знаю!

Знаешь, знаешь. Я же вижу, что знаешь. Кто она? спросила первая Лиза, улыбаясь сестре, и очень гордая своей победой.

— Ее зовут Милашка Мили, — сказал кучер, презрительно оттопырив губу. Елизавета и Ольга не преминули отметить про себя, что он не прибавил к имени ни фамилию, ни отчество,

— А кто она такая? — хором спросили Лиза и Оля. — Девушки, — угрюмо произнес Петр, и огрел кнутом, никак не ожидавшую этого лошадь, Наталья Викторовна будет, как и ваша матушка, я смотрю, — поглядел он в сторону Арины, которая сердито поглядывала на своих дочерей, а Валентина дернула девочек за рукава и попросила: "Хватит задавать нелепые вопросы!" совсем не по нраву, что вы спрашиваете, про то, о чем вовсе ненужно спрашивать. Теперь в этом

городе столько всякого неприличного народу, что о нем и спрашивать некрасиво!

«Grand dieu! Grand dieu! (Фр. – Боже мой! Боже мой!)», – подумала Лиза, сразу же прикусив язык, – «Должно быть это падшая женщина!»

Иногда в жизни Оле и Лизавете доводилось видеть женщин такого сорта, но Милашка Мили была одета на много ярче, чем другие, и поэтому девушки чуть не свернули себе шею, разглядывая эту особу, пока она не затерялась в толпе. Падшие женщины Великого Новгорода старались наряжаться вызывающе, но не ярко, а волосы красили только в свои натуральные цвета. А вот Мили сияла яркими красками, как новогодняя елка, и не шла не в какое сравнение с новгородскими красавицами.

Вскоре коляска остановилась перед двухэтажным белым домом, огромные колонны подпирали черепичную крышу-это, был дом семьи Тактаевых. Аккуратная деревянная ограда сияла свежей белой краской, а цветник перед входом играл на солнце яркими цветами роз, посаженных в нем. На крыльце стояли две женщины в красивых платьях, та что по моложе была в светло-розовом, ее черные, как воронье крыло, волосы были красиво уложены сзади и скреплены шпильками, на вид ей было лет восемнадцать – девятнадцать, красивая. Но не высокая, корсет тонко обтягивал нежную, сформированную по-детски, грудь, так что казалось ее вовсе нет. А рядом стояла красивая женщина в светло-сером наряде, с

бусами под цвет платья. Ее темные волосы были элегантно уложены в пучок и спрятаны в сетку, из темных волос виднелись каштановые искусственные локоны, которые упорно не желали гармонировать с природным цветом волос, а в круглом румяное лицо остались еще капли молодости. Лиза сразу поняла, что молодая девушка – это ее троюродная сестра-Анастасия Васильевна Тактаева, а другая – Наталья Викторовна Тактаева – ее двоюродная тетя. Елизавета набрала больше воздуха в легкие. Валентина так туго затянула ей корсет, что девушке удалось это с большим трудом, и вышла из коляски вместе с няней, мамой и сестрой.

Петр спрыгнул на землю и взяв их вещи, направился к дому, около ограды его встретила молоденькая девчонка в белых накрахмаленных чепчике и переднике, Она, улыбаясь, взяла у Пети один узел, который тот час перевесил ее тоненькое тельце, но несмотря на это она быстренько пошла к дому, тряся в разные стороны маленькими русыми косичками. Няня Оли и Лизы, взяв по одному узлу из коляски в каждую руку, поспешила за кучером и крепостной девочкой.

Оля, Лизавета и Арина направились к ограде, которую им оставила открытой Валентина. Наташа не спеша направилась к ним на встречу, а ее дочь осталась стоять на крыльце, перебирая складки платья.

- Рина! – радостно воскликнула Наталья, обнимая сестру,
- Наташа, надеюсь, ты не будешь против нашего приезда.
- Ну, что ты, – махнула рукой она, Мы же родня! Мой

дом всегда для вас открыт, — поцеловав Олю и Лизу в щечки, с улыбкой на лице произнесла княгиня Тактаева, Господи! Ольга, Елизавета, когда я видела вас в последний раз, Лизе было десять лет. Оле только-только исполнилось одиннадцать лет, а сейчас вы просто красавицы, настоящие невесты.

Да, правда, когда Оле было одиннадцать, а Лизе было десять. Они с мамой приезжали в Петербург, на похороны отца, вместе с мамой и останавливались у Тактаевых. Но сейчас из этого Лиза ничего не помнит, еще бы они прибыли ночью, так как железная дорога было закрыта из-за восстания декабристов, а в коляске им пришлось трястись в два раза дольше, и сразу же все уставшие улеглись спать. Елизавета даже не помнит, сколько они там пробыли, она тогда не о чем не думала, кроме того, что ее и Олин отец мертв. Ей иногда снился сон, что Семен жив и что они снова все вместе, она просыпалась со слезами на глазах, и бежала к сестре и они плакали вместе. Ольга и Елизавета никогда не были дружны, они постоянно ссорились по любому пустяку, но когда умер, их отец это горе их связало, и они стали помогать друг другу.

Глава 6. От жестокости к доброте.

Наталья была совершенно не похожа на Арину, в ее зеленых, как изумруды, глазах, горел яркий задорный огонек. Да, она была по тем понятиям женщиной средних лет, но у нее был милый и ласковый характер, и казалось, что она все такая же молоденькая девчонка, какой осталась в душе.

Наталья Викторовна, я рада вас видеть, – улыбаясь, произнесла Оля.

– Оля, Лиза, называйте меня просто – тетя Наташа, мы же родня, – она остановилась около крыльца, чтобы познакомиться всех со своей дочерью, А это моя дочь – Анастасия, представила тетя Наташа девушку на крыльце, та сразу же улыбнулась, перестав поправлять складки платья.

– Ольга.

– Елизавета.

– Здравствуйте Арина Владимировна, поздоровалась Настя, но Рина только кивнула.

Лизавета приехала в Петербург, не имея ни малейшего представления о том, как долго она здесь пробудет.

Они вошли внутрь. И перед Лизой предстала огромная гостиная с красивой мягкой мебелью посередине, с огромными зеркалами, в которых отражалась почти вся комната. Часы на стене пробили восемь раз, на стенах висели картины в резных рамах, на полу лежал огромный красный ковер, в

левом верхнем углу стоял рояль, а рядом обтянутый кожей стул. Огромная лестница, ведущая на второй этаж, была застелена небольшой красной дорожкой, а на перилах блестела свежая красная краска. Слева была небольшая кухня, откуда чувствовался восхитительный запах жареной утки и свежвыпеченных булочек. У Лизы засосало под ложечкой, от предстоящего ужина, а из кухни разносились тихие голоса крепостных. Прямо была огромная столовая, стол, накрытый чистой белой скатертью, стоял посередине комнаты и вокруг него, как верные поданные, стояли стулья, а на огромных окнах весели шторы, белые, но без единого рисунка, и белоснежная бахрома свисала до самого пола. В углу стояла тумбочка из красного дерева, а на ней, в длинном черном подсвечнике, стояла свеча, и еще такие же были на столе где-то семь-восемь штук.

Дом был красивым и огромным, но он был ей чужой. Лизе захотелось убежать прочь отсюда к себе домой, закрыться со своей спальне и никогда не расставаться с родным очагом. Эти люди, за исключением Валентины, мамы и Ольги, были ей чужие, она знала о них только из рассказов Арины, но ее мама никогда не любила рассказывать дочерям о своей семье, и о Тактаевых она поведала мало и через "не хочу!".

Домой! Она хотела, домой хотела этого больше всего на свете. Лиза не могла спокойно дышать, зная, что по ее коврам будут ходить посторонние люди, сердце ее сжималось, когда она представила, как они веселятся в гостиной, кото-

рая когда-то принадлежала Полиновым. "Почему?" – задавала себе вопрос Лиза. Она хотела знать на него ответ, но на этот простенький вопрос, не было ответа. И Лизавета не могла с этим ничего поделать. Девушка, после предложения Натальи, села в кресло и принялась смотреть

в окно, чтобы как то занять себя и не думать о доме. Солнце светило низко, но еще не зашло за горизонт, на улице радовались пения птиц. "Какие они счастливые, их дом-это земля, крыша-небо, и они покинут его только когда умрут, а я.... К глазам снова подступили слезы, и Елизавета чувствовала, что вот-вот расплчется. Но не расплакалась..., она услышала, плачь, Лиза повернула голову к лестнице, чтобы удостовериться в том, что она слышала, или это ей показалось? Нет! Другие тоже смотрели в ту сторону, а может это, плачет ее сердце, скучая по дому, но ее глаза сухи в них нет ни слезинки. Но плачь, был так реален, и так далек, и тут, как по волшебству, он стал приближаться, и по лестнице спускалась девочка, которая помогала, Пети относить вещи. Глаза ее были красные от слез, она держала перед собой поднос, а на нем плавали, в черном кофе, осколки от блюда и чашки, а также толую растаявшее масло и раскрошенные, до неузнаваемости булки.

Лиза ожидала упреки и крики в адрес бедной девчонки от Наташи, но вместо этого услышала нежные успокаивающие слова. Рина никогда не разговаривала так с крепостными, которые провинились, она не давала им и рта раскрыть, слыша-

лись только грубые слова из уст Арины, разлетаясь по всему дому. А Наталья, выслушала терпеливо плачущую крепостную, не перебивая ее, девочка говорила так тихо, что Лиза смогла разобрать только несколько слов: "Я не виновата..., Наталья Викторовна..., ваш... сын... он разлил кофе... ,я... я не могла... ничего сделать."

– Тише, Антонина, не надо плакать из-за этого, ты же знаешь, что мой сын болен, – княгиня Тактаева погладила по голове, все еще плачущую девчушку, иди на кухню и разогрей нам ужин, и забудь о том, что случилось. Антонина ушла, всхлипывая и держа перед собой поднос.

Глава 7. За запертой дверью.

Ужин был превосходный. Лизе казалось, что она чувствует запах всех этих блюд и сейчас, лежа на постели. Но, как ни странно, кусок не лез ей в горло, и поэтому, ей пришлось радоваться одной булочки с чаем. Как интересно когда перед нами полно еды, но наши проблемы не позволяют поесть, все время, беспокоят нас, и иногда у нас нет проблем, но и нет той еды, которая нам по вкусу. – Спокойной ночи, дорогая, – сказала Валентина, накрывая Лизу одеялом. Она ушла, перед этим, задув, свечу на тумбочке у кровати Елизаветы.

Лиза осталась одна в темноте, но ее это не очень заботило. В отличие от голода, который все время напоминал о себе. Ужин закончился больше двух часов назад, она помнила эти утомительные разговоры перед ужином во время и после, от которых тянуло в сон: Наталья и Арина вспоминали детство, а ей никогда не были интересны темы, которые случились в далеком прошлом и не с ней, но приличные манеры не позволяли ей повернуться и просто уйти, пришлось сидеть и отвечать на вопросы, которые ей по очереди задавали то Наташа, то Настасия, то Вася-муж Натальи Викторовны: Василий Андреевич Тактаев. Она не хотела спать, а хотела есть!

Лизавета встала с кровати, нащупав руками свечу и коробок со спичками. Чиркнула, и вся комната озарилась светом. Конечно, его не сравнить со светом солнца, но и это не пло-

хо, можно видеть все что нужно и это главное. Потом надела поверх ночной рубашки халат, завязав его на поясе и втокнув ноги в легкие туфли, взяла свечу и вышла из комнаты.

Ее комната была последней слева, комната справа была отдана Оле, а комната Рины находилась как раз рядом с Лизиной. Было темно, и только лишь тусклый свет свечи озарял все вокруг.

Тут ее внимание привлекла комната, отличающаяся от других. Нет, она не заходила туда, хотя ужасно этого хотела, но подойдя поближе, любопытство раздирало ее, Лиза дернула за ручку, но дверь не открылась, было видно, что она заперта на ключ, но самое любопытное, что там?

Комната привлекла ее внимание, а скорее не она, а дверь, ведь комнату она

не заходила, тем, что отличалась от других. Она была не покрашена, на ней была облупленная белая краска, с годами пожелтевшая, а другие, в том числе и ее спальня, блестели от свежей краски, и поэтому она сразу их увидела, и еще она находилась в самом конце коридора, между комнатами Елизаветы и Ольги.

Подождав пока глаза, привыкнут к слабому свету свечи, Лиза, держа одной рукой свечу, осторожно двинулась по коридору к лестнице, стараясь не наступать на скрипучие половицы и гадая, что найдется в кухне перекусить. Конечно про "необычную комнату" она не забыла, но голод для нее был при выше всего сейчас,

"Даже если в кухне все окажется запертым, сделаю себе хоть яичницу, размышляла про себя Лизавета, спускаясь по лестнице, Пусть потом Валентина, сколько хочет, судачит, что Елизавета Семеновна по ночам тайком готовит себе яичницу, мне все равно!"

По дороге Лиза заглянула в столовую, в надежде найти там остатки шоколадных конфет и печенья или еще, что оставшееся от ужина, однако заботливая няня все заперла, а ключ от буфета с собой прихватила. А девушке, и не хотелось никаких сладостей, ей бы, что посущественней.

Глава 8. Девичьи тайны.

До кухни она добралась благополучно, и принялась за поиски еды. Разумеется, тут тоже все позабিরали. Лиза вздохнула и уже собралась уходить, но тут в цветочном горшке, на подоконнике, заметила ключ, наверное, тут его Валентина или кто из крепостных забыл. Не став гадать, как он туда попал, Лизавета взяла его, отряхнув от земли, открыла дверь в чулан.

Раздув тлеющие в печи угли Елизавета поставила чайник разогреваться, а сама принялась за холодную телятину с хреном. Закусив яблочным муссом, который она тоже обнаружила в отпертом ею чулане. В ожидании чая Лиза от нечего делать принялась перелистывать лежавшую на кухонном шкафу газету, которую, как говорила за ужином Наталья, семья Тактаевых из года в год выписывает для крепостных. Не найдя ничего интересного Лизавета, закрыв газету, принялась ждать пока вскипит чай. Через минуту она уже наслаждалась великолепным зеленым чаем и булочкой с маслом.

После "ночной трапезы" Лиза добралась до своей комнаты, и легла на кровать, перед этим задув за собой свечу. Завтрашний день ее мало беспокоил, она знала, что если все убрала, то Валентина ничего не заметит. Ее няня была такая, что если обнаружит что-нибудь, то будет выяснять причину и находить правду, пока не доберется до истины, а если не

найдет ничего, то и обращать внимание не на, что не будет.

Поевшая и довольная, она крепко и быстро заснула. Когда Лиза проснулась, был уже день. Солнце светило сквозь голубые ситцевые занавески, и ее комната показалась ей особенно веселой и приветливой с ее побеленными стенами, и ковром на полу, что Елизавета сразу почувствовала прилив бодрости. Ведь юность очень чувствительна к внешним впечатлениям. Лиза подумала, что новая жизнь для нее уже началась и, что в ней будут не только огорчения и трудности. Но также удовольствия и радости. Девушка встала с постели и тщательно приготовила себе одежду: ее любимое розовое, украшенное ярко-красными розами, платье, а также под цвет платья, но без роз, домашние туфли, а пока накинула халат. Она от природы, любила изысканно и красиво выглядеть, не в ее правилах было пренебрегать своим внешним видом, она всегда выглядела красиво в своих ярких шелковых нарядах. Лиза взяла с тумбочки не большой золотой колокольчик, которым обычно звали крепостных, и позвонила несколько раз: ей надо было, чтобы Валентина ее заплела и одела, ведь она не могла появиться на людях растрепанной.

Няня появилась через две минуты с подносом, на котором, аппетитно пахивая, были: сливочное масло, булочки и чай. У Валентины было такое лицо, как будто она за, что-то мысленно ругала свою молодую хозяйку. Но вот за что? А может быть за ее "ночную трапезу", но как она узнала, ведь перед тем как лечь спать, Лиза убрала все в чулан и помы-

ла посуду? – Валентина, одень меня и заплети, – попросила няню Елизавета.

Ее няня не проронив не слова, взяла в руки Лизин корсет со стула. Как Елизавета ненавидела эту вещь! Тугая, неудобная, сковывающая все движения! Но она все же его носила, не хотя этого, а потому-что так принято. Сделав глубокий вздох, она села на кровать и скинула с себя халат.

– Ай! – вскрикнула девушка, когда Валентина со всей силы потянула за тесемки. – Сиди смирно, дитя, – наконец-то заговорила ее няня.

– *Sacre dieu!* (Фр .-Черт побери!), -заругалась на французском шепотом Лиза, хотя знала, что няня ничего из этого не поймет, но непременно расскажет княгине Полиновой, маме Елизаветы.

Но к счастью Валентина ничего не услышала, она только нахваливала талию Лизы, видно только ей одной эта часть одежды было по душе. Ведь каждый раз с улыбкой она расхваливала талию Елизаветы.

Наконец Лиза была одета и заплетена. Длинные каштановые волосы вились до самой груди, и в них красовался красный цветок, который ей вплела в волосы Валентина.

–Что вы вчера делали ночью на кухне? – спросила няня у Елизаветы.

– Я? – не поняла девушка, – Ничего! – соврала она, рассматривая себя в большом зеркале в углу, в котором виднелась вся ее одежда: от цветка на голове, до розовых туфель.

– "Oh diel! Que c'est beau!" (Фр. -"О Боже! Какая прелесть!") – воскликнула про себя Лиза, восхищаясь своим отражением в зеркале.

Тут опять послышался голос Валентины и то, что она сказала заставило Елизавету обернуться:

– Если вы еще раз устроите трапезу ночью на кухне, я все расскажу Арины

Владимировне. – Няня, прошу тебя, я больше так не буду, не говори ничего маменьке. Мне просто захотелось, есть, – попросила Лизавета, как обычно надув губки и похлопав длинными ресницами.

– Хорошо, – согласилась няня, – но, чтобы это было в последний раз, – предупредила она молодую хозяйку и вышла из комнаты, чему девушка была очень рада.

Вскоре и Лиза ушла из комнаты. Есть ей не хотелось, ведь совсем недавно она выпила горячий чай и съела булочку, которые принесла Валентина. И решила осмотреть дом.

Глава 9.Шёпот ветра.

Елизавета миновала длинный коридор и спустилась по лестнице в гостиную. Она решила начать снизу, а потом осмотреть и второй этаж, а может быть и вид в сад с крыши. В гостиной она задержалась на несколько минут, рассматривая картины на стенах. На одной был пожилой мужчина в полный рост, в военной форме, и с длинной бородой и с усами, но совершенно лысый, а внизу была надпись: " А. М. Тактаев"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.